

КРЫМСКИЙ «КОНТЕКСТ» В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «ЗЕМЛЯ И МОРЕ» (1821)

В статье рассматривается стихотворение А. С. Пушкина «Земля и море» (1821) в аспекте отражения в нем литературных, биографических, географических и иных реалий, связанных с Крымом. Тем самым актуализуется мысль В. Е. Хализева о «сопровождающей» функции «контекстов творчества писателя» применительно к данному произведению, что позволяет видеть в нем скрепление разнообразных интенций и, при этом, выявляет его самобытность и особое место в творчестве поэта.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Земля и море», крымский «контекст», Мосх, идиллия, И. Ф. Вернет, П. А. Куницкий.

N. L. Vershinina

CRIMEAN «CONTEXT» IN PUSHKIN'S POEM «LAND AND SEA» (1821)

The article dwells upon the poem «Land and Sea» (1821) by A. S. Pushkin in terms of literary, biographical, geographical and other reflections of the Crimean realities in it, thus actualizing the V. E. Halizev's thought of the «accompanying» function of «the context of any writer's works». Applying this idea to the poem mentioned above enables to distinguish the crossing of different intentions in it and, at the same time, to reveal its identity and a special place in the poet's work.

Key words: A. S. Pushkin, «Land and Sea», the Crimean «context», Moschus, idyll, I. F. Vernet, P. A. Kunitsky.

Земля и море

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И чёлны на волнах лелеет;
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее —
И забываю песни Муз:
Мне море сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут —
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,

И жалок мне рыбак суровый;
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины.
А я в надёжной тишине
Внимаю шум ручья долины [9, с. 162].

Говоря о крымском «контексте» в данном стихотворении, мы подразумеваем обобщенный таким способом образ «сопровождений» произведения, обуславливающий, как ни парадоксально это выглядит, уникальное художественное своеобразие поэтического текста. Развивая теорию «контекстов творчества писателя», В. Е. Хализев отметил, что они «во многом определяют черты литературно-художественных произведений <...> и нередко дают о себе знать в их составе. <...> Изучение контекстов творчества писателей <...> составляет сопровождение имманентного рассмотрения произведений или, по крайней мере, требует учета данных такого рассмотрения» [18, с. 291, 292]. В данном случае литературные «соответствия» «Земли и моря», отражаясь в «составе» текста, увеличивают степень характеризующей стихотворение самодостаточности и художественной самобытности. Пушкинское создание, по-видимому, подчиняется закону, действенному исключительно в сфере высокого искусства: узнаваемость «контекстов» способствует уяснению «различий» текста с ему подобными, как «ближайшими», так и «отдаленными», в равной мере умножающими и укрепляющими его собственную значимость¹.

Примечательно, что сложные культурные наслоения в стихотворении «Земля и море», чем более их обнаруживается, тем больше соотносятся с феноменом Крыма. Несмотря на то, что тексту соответствуют три пометы, имеющие отношение к его творческой истории, ключ к прочтению стихотворения дает помета начальная: «1820. Гурзуф» [9, с. 569]. Позже проставленная автором дата: «8 февраля 1821 Киев» — по мнению комментаторов, также ретроспективно касается Крыма: «<...> очевидно, это воспоминания о Гурзуфе» [14].

Из всех разнородных «контекстов», просматривающихся в «составе» стихотворения, наиболее очевидным является *антологический*. В сборнике «Стихотворений» 1826 г. «Земля и море» вошло в тот же раздел, что и написанное на следующий день, 9 февраля, стихотворение «Красавица перед зеркалом», — в «Подражания древним». Здесь же представлены другие, созданные в Крыму или навеянные пребыванием в нем антологические сочинения: «Нереида», «Редет облаков летучая гряда», «Муза» (автограф последнего — 14 февраля 1821 г.).

Б. В. Томашевский полагал, что «крымские стихотворения» были написаны «под несомненным влиянием Шенье». В свою очередь, А. Шенье в начале 20-х годов прочитывался Пушкиным, в отличие от многих современников, не в духе романтизма, а в аспекте неоклассицизма, восходящего к «эллинизму». Чтение опубликованных в 1819 г. «Фрагментов идиллий» французского поэта, воспринимавшегося Пушкиным во время пребывания в Крыму «с особенной остротой» [17, с. 154], повлекло за собой ассоциативный ряд, в котором одним из первых выступает законодатель жанра идиллии — древнегреческий поэт Феокрит. Про А. Шенье Пушкин писал: «Никто

¹ См. об аналогичном феномене применительно к «Повестям Белкина» в статье: Монолакев Х. Рецепционная проблемность «чужого» текста в «Повестях Белкина» (Болдинские чтения / Под ред. Н. М. Фортунатова. Нижний Новгород: ННГУ, 2003. С. 173–182).

более меня не уважает, не любит этого поэта, но он истинный грек, <...> из классиков классик. <...> От него так и пышет [древно<стью>] Феокритом и Анфологиною] (черновое письмо к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г.) [13, с. 380–381].

Крым становится местом, где возвращение классических антологических текстов влечет за собой обращение к культурно-историческим и мифопоэтическим истокам, активизируя поэтику древних жанровых форм, при этом не лишенных живых обертонов современности. По поводу многоплановости «крымских» стихов современный исследователь пишет: «Крым вовсе не единое явление, это сложная, внутренне дифференцированная зона, и именно сама эта дифференциация мифогенна» [3].

Дифференциация проходит и сквозь античность, поскольку в качестве образчика Пушкин выбирает не идиллию Феокрита, а стихотворение его последователя Мосха (II в. до н.э.) и настаивает на включении имени Мосха в подзаголовок, публикуя текст в издании 1826 года. В первой публикации в «Новостях литературы, издаваемых А. Воейковым» (1825, кн. 11, январь) подзаголовок был произвольно снят редактором, что вызвало недовольство автора [13, с. 146].

Очевидно, Киев, где поэт находился в январе — первой половине февраля 1821 года, и в биографическом, и в творческом отношениях, обозначил *завершающую* фазу обработки идиллической топики, которой насыщен ряд стихотворений этого времени: ранняя редакция «Дионеи» (апрель 1821 г.) имела заголовок «Идиллия»; признаки идиллической поэтики видны в «Музе», «Приметах», в «Кто видел край, где роскошью природы...», «Недавно бедный музульман...», «К Овидию», «Из письма к Гнедичу», «Чедаеву». Относительно настроения души, владевшего поэтом в момент написания «Земли и моря», высказывалось предположение, что стихотворение «соответствует переезду Пушкина из Крыма в Каменку и Киев, где он уже не был отвлечен красотами моря, а наслаждался, напротив, преимуществами мирной суши» [5, с. 186].

Вместе с тем, следует учитывать, что бытийная концепция идиллии и сфокусировавший ее жанр содержат в себе таящееся в глубинах «спокойствия» противодействие, зародыш будущего разочарования, тревоги или элегической грусти. Недаром первоначальное заглавие идиллии Пушкина — «Морской берег» [9, с. 638, 639] — не только «мифогенно», но и метафорично. Оно обозначает некий рубеж, проходящий между «безбурностью» и «безмятежностью» «надежного» существования человека в гармонии с природой и постоянной угрозой разрушения идеального миропорядка, исходящей от взбунтовавшихся, неуправляемых стихий. Для Пушкина «все стихии», если воспользоваться его словами из стихотворения «К Вяземскому» (1826), равновелики и касаются человека в его «скольжении» по жизни и постоянной смене ее извечных состояний. Не случайно «земля» и «море» то соединялись, то менялись в заглавии местами: «Морской берег», далее — «Море и земля» (1825) и «Земля и море» — в сборнике «Стихотворений» 1826 г. и последующих изданиях (заглавие «Земля и море» появляется уже в письме П. А. Плетнева Пушкину от 26 сентября 1825 г., где представлен состав готовящегося к публикации сборника [13, 234]). Следует иметь в виду, что сама эта смена, выступающая знаком единства и в то же время переменчивости бытия, могла быть осознана Пушкиным при переезде из Кавказа в Крым, когда в Тамани путешественников застигла сильная буря. Эта «неожиданная остановка» на три дня, как справедливо замечают исследователи, «явилась, быть может, <...> не-

обходимой паузой», поскольку в «сознании» Пушкина пересекаемая граница «была не только географической» [15, с. 16]. Сравним в «Евгении Онегине»: «Он едет к берегам иным — / Он едет из Тамани в Крым» (черновые редакции [11, с. 501]).

По той же причине ни одно из известных сегодня «сопровождающих» текст Пушкина стихотворений: перевод V идиллии Мосха Н. Ф. Кошанским, озаглавленный «К спокойствию» (1811) [6, с. 341], «Мосхова идиллия» П. А. Куницкого (1816) [7, 349–351], «Море и земля (Из Мосха)» М. Загорского (1822) [4, 304–305], «Море и земля» К. П. Масальского (1825, авторская датировка — 1820) [8, 278–279] — не имеет оснований считаться предпочтительным его аналогом или единственным источником. В данных сочинениях отсутствует то, без чего пушкинский текст невыносим: диалектика *временного* и *вечного*, не совместимая с идеей «спокойствия» как постоянства и неподвижности, выбором только «земли» или «морской стихии» как среды обитания.

О наличии «контекста» можно вести речь в связи с общей для поэта и его современников ориентацией на константы *идиллии*, получившие выражение в рамках бытующих представлений о Крыме, отразившихся в переводах «Из Мосха» и созвучных им сочинениях с соответствующей топикой. В этом смысле характерны совпадения между стихотворением малоизвестного сотрудника «Украинского вестника», впоследствии ординарного профессора греческой словесности Харьковского университета, Павла Куницкого и произведением Пушкина. В «переложениях» Мосха у обоих авторов встречается сравнительно редко упоминаемый в подобных случаях *явора*. У Куницкого: «А я под явором возлягу сеннолистным, / Склоню спокойно слух к потокам тихим, чистым...» [7, с. 350]; у Пушкина в одном из черновых вариантов «Земли и моря»: «Я внемлю шуму смирных вод / Под темным явором долины» [9, с. 639]. «Явор» упоминается Пушкиным и в поэме «Бахчисарайский фонтан»:

Младые жены, как-нибудь
Желая сердце обмануть,
Меняют пышные уборы,
Заводят игры, разговоры,
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями [10, с. 156].

«Контекст», привнесенный Куницким, если воспользоваться словом Пушкина, «непроходимо» [14, 389] классичен, о чем свидетельствует и его литературная деятельность (в журнале публикуются «"Времена года", Бионова идиллия»; «"Орфей и Евридика". Из Вергилиевых Георгик»; «Отрывок из Каллимахова гимна Аполлону» и т. п.). Более того, произведения такого свойства вообще отличали направление «Украинского вестника» (1816–1819), составив своего рода фон для появления «крымских» шедевров Пушкина.

Так, выходец из Франции, писатель, педагог и журналист Иван Филиппович Вернет (Жан Верне, 1760–1825) помещает в журнале до настоящего времени не востребованный литературоведами текст, воспроизводящий сходную топику в связи с жанром *путешествия*. В разделе «Живописная проза» появились его путевые записки, где отмечен маршрут передвижений: Екатеринослав, Борислав, Олешки, Херсон. Содержательности жанра соответствует чередование реалий «моря» и «земли»,

здесь же — идиллическое наслаждение умиротворяющей красотой «берега», дающего приют путешественнику.

Образность идиллии для автор записок так же естественна, как впоследствии — для Пушкина, налет литературности в описании Крыма представляется необходимыми: «Моё восхищение ещё усугубилось, когда я купался в *светлых струях* Салгира, с приятнейшим журчанием текущего по камням, — и потом на тенистом и прохладном его берегу читал с новым удовольствием Геснеровы Идиллии...». И далее: «Я сидел в задумчивости на мысе Ифигениум, откуда открывается необъятное морское пространство... блуждал потом с неописанным восторгом по виноградным садам, вспоминая отечественные горы и холмы и, подобно обрадованному ребёнку, целовал первую виноградную кисть! Напоследок, сев под тенью кипариса ввиду моря, тогда тихо колебавшегося от дуновения зефиров и в соседстве небольшого монастыря св. Георгия, я предался свободным воспоминаниям и размышлениям: сколь сладостно уединение и тихая жизнь! Мы тогда только и чувствуем и вкушаем блаженство ея, — когда, удаляясь от городского шума и от предметов, могущих возбуждать страсти, покоимся под тенью дерев или в темной роще на высокой горе в лоне природы...» [1, с. 182, 185–186].

Сравним в «Бахчисарайском фонтане»:

О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира! [10, с. 171];

в «Отрывке из письма к Д.» (1826, черновой текст предположительно датируется 1824 г.), «литературной мистификации крымских воспоминаний поэта» [15, с. 60], где Пушкин привлекает «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола: «<...> кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск и воздух полуденный...». В связи с Гурзуфом здесь упомянуты ставший предметом «дружества» «кипарис», и «виноградные лозы», и оставивший «сильное впечатление» в путешественнике «Георгиевский монастырь», а также описано зарождение «тоски» по родным краям посреди крымской идиллии.

Если Вернет посетил «мыс Ифигениум», то Пушкин — «баснословные развалины храма Дианы». *Историческая* составляющая крымского «контекста» по традиции соединяется с *мифологической*, более созвучной душе поэта: «Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» [12, с. 437–438].

Но при этом в пушкинских впечатлениях от Крыма исчезает ощущение драматизма от сознания неизбежности соседства разнонаправленных «стихий»: «Идиллия Мосха» концентрирует в себе коллизию, которую несет в себе «обрамляющий» стихотворение крымский «контекст». Можно заметить, что идиллическая образность элегии «Редает облаков летучая гряда»: «И сладостно шумят полуденные волны» [9, 144], идиллии «Земля и море»: «Мне море сладкий шум милее», поэмы «Бахчисарайский фонтан»: «Долин приютная краса» [10, 171], а также замечание в «Отрывке из письма Д.»: «Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы» [12, с. 437] — сосуществуют с образами противоположного бытийного значения. В элегии «Погасло дневное светило» мечты поэта возвышают романтический «полет» в слиянии с волнами, не отвергая эпитетов «обманчивый» и «грозный»:

Лети, корабль, носи меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей...
[9, с. 135].

В письме к брату Льву Сергеевичу от 24 сентября 1820 г., подводящем итог крымскому путешествию, наряду с сентиментальными идиллическими формулами: «Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в *кругу милого семейства*; <...> *счастливое полуденное небо; прелестный край*; природа, удовлетворяющая воображение — *горы, сады, море* <...>» [14, с. 19. Выделено мной. — Н. В.] — обнаруживают себя начала разрушения идиллии романтической интенцией. Высказывается мысль о притягательной силе опасности, пусть даже — в рамках идиллии — заведомо гипотетической: «Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению» [14, с. 18].

В «Бахчисарайском фонтане» близость *берега* «в час утра безмятежный» к *морю*, которое «и блещет, и шумит», вселяет мысль о неизбежной смене «безмятежности» смятением и бурями (не случайно в вариантах читаем: «И зеленеет и кипит»; «Волнуясь, блещет и кипит» [10, с. 404]), что уже отмечалось нами прежде [2]. Предвосхищение катастрофы дано в виде намека, но здесь, возможно, заключена первопричина трагедии Заремы: с родным краем ее разлучило «море». Тревожной обертоном, исходящий от мирной картины, был пронизательно подмечен критикой: «Слово *привычный* (по отношению к коню. — Н. В.) дает понятие о всей трудности пути вдоль морского берега, среди гор и в виду утесов, вокруг коих и кипят и шумят волны» [16, с. 229].

Переход от «наивной» и «сентиментальной» идиллии к идиллии «романтической», пограничной с элегией, очевидно, и был отмечен написанием стихотворения «Земля и море». Им обозначена та промежуточная стадия, когда противостоящие стихии, в представлении поэта, могли обрести согласие, пусть и непостоянное, недолговечное. «Прелестный край» дал Пушкину не только содержание, но и средства для выражения переживаемых им ощущений, подкрепив их литературной топикой, которая образовала крымский «контекст». В этом смысле вольное переложение идиллии Мосха вышло далеко за пределы заявленного автором жанра. Сконцентрировав в себе биографический и культурно-исторический пласты, различные вариации идиллии, впечатления от «воображаемых» и реальных путешествий, стихотворение стало вехой в поэтическом развитии Пушкина, предопределив возможные пути его дальнейшего движения в самых многообразных направлениях.

Литература

1. Вернет Иван. Еще несколько моих воспоминаний // Украинский вестник на 1816-й год. Ч. III. № 7. Разд. II. «Живописная проза».
2. Вершинина Н. Л. Проблема вариативности идиллической жанровой традиции в стихотворении Пушкина «Земля и море» // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1995. С. 79–89.
3. Загидуллина М. На чертовой лестнице мифа. [Рец.] А. П. Люсый. Пушкин. Таврида. Киммерия. М.: Языки культуры, 2001. // Знамя. 2002. № 9. // [Электронный ресурс: URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/9/zag.html>]
4. Загорский М. Море и земля (Из Мосха) // Благонамеренный. Журнал, издаваемый А. Измайловым. СПб., 1822.
5. Кибальник С. А. Идиллия Пушкина «Земля и море» (Источники, жанровая форма и поэтический смысл) // Временник пушкинской комиссии. Сб. научн. тр. СПб.: Наука, 2004. Вып. 29.
6. Кошанский Н. К спокойствию // Цветы греческой поэзии, Пб., 1811.
7. Куницкий П. Мосхова идиллия // Украинский вестник. 1816. Ч. 1. № 3 (Март).

8. Массальский К. Море и земля // Северные цветы на 1825 год. СПб., 1825.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. II.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. IV.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. VI.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. VIII.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. XIII.
14. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1959 // [Электронный ресурс: URL: <http://www.rvb.ru/pushkin>
15. Пушкинские места: Путеводитель. В 2 ч. Ч. 2. М.: Профиздат, 1988.
16. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб.: Государственный Пушкинский Театральный Центр, 2001.
17. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Советский писатель, 1960.
18. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 19999.